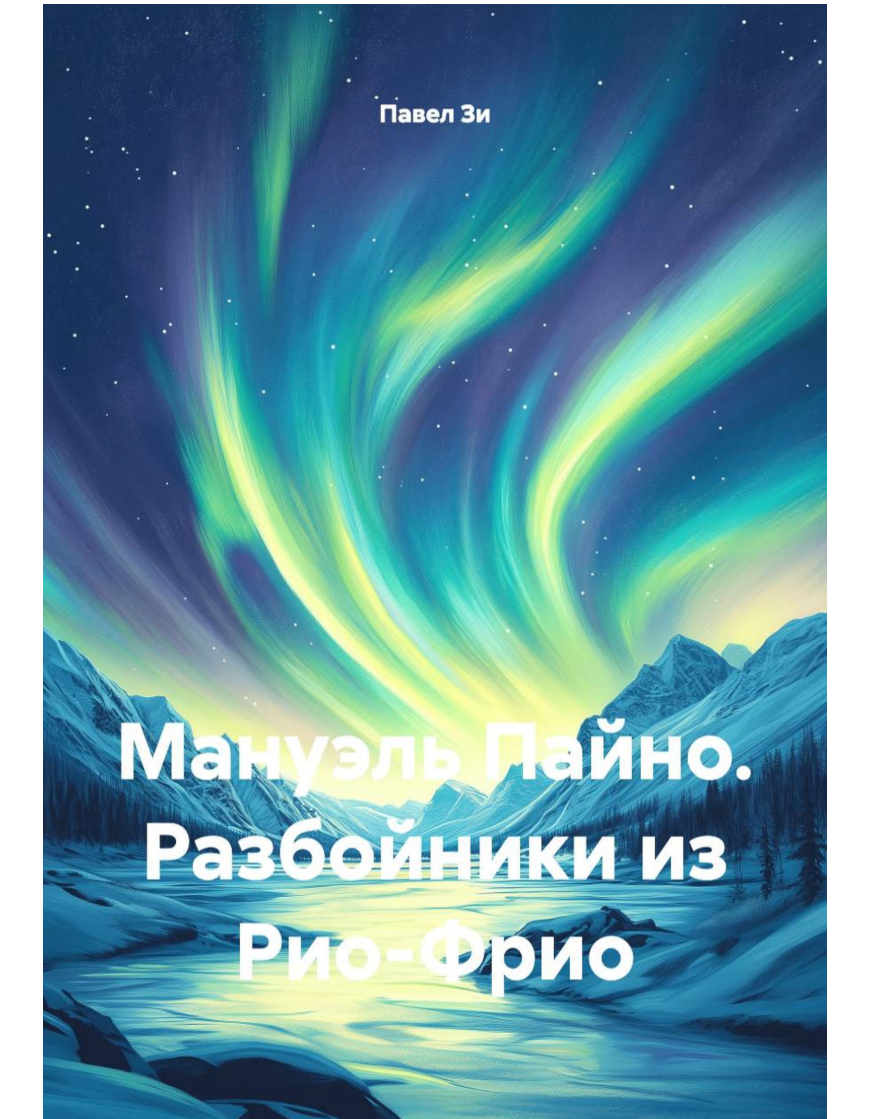

Павел Зи

**Мануэль Пайно.
Разбойники из
Рио-Фрио**

Павел Зи
Мануэль Пайно.
Разбойники из Рио-Фрио

<https://litres.ru/74396242>

SelfPub; 2026

Аннотация

Мексика, XIX век. Опасные дороги, политические заговоры и тайны высшего общества. В горах Рио-Фрио свирепствует банда, наводящая ужас на всю округу, но кто на самом деле стоит за дерзкими ограблениями? Мануэль Пайно мастерски закручивает сюжет, стирая границы между законом и преступлением. Захватывающий детектив, страстная любовь и приключения в духе лучших романов эпохи — погрузитесь в мир, где доверять нельзя никому, а судьба может измениться в одно мгновение.

Содержание

Введение	4
Глава 1. Santa María de la Ladrillera	7
Глава 2. Доктора	20
Глава 3. Ведьмы	29
Глава 4. Ацтекская богиня и Дева Гваделупская	46
Глава 5. Чудо	58
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Павел Зи Мануэль Пайно. Разбойники из Рио-Фрио

Введение

Несколько лет назад, в Мексике разбиралось одно громкое дело. Судебные бумаги по нему перевалили за две тысячи листов и переходили от одного судьи к другому, а конца ему все не было. Не один судья сменился в этом уголовном деле, причем некоторые из них умерли рано и совсем не своей смертью. В деле были замешаны влиятельные люди с положением в обществе, и потому его всячески пытались замять. Но не вышло. За скандалом следила вся столица, да и провинция интересовалась. В какой-то момент дело стало политическим и нужен был показательный приговор. Многих арестовали, но за недостатком улик подозреваемых приходилось отпускать. В конце концов ниточку всё-таки нашли: нескольких виновных судили, приговорили к смерти и казнили. А главного из них - человека весьма заметного - ждал трагический конец.

Из памяти об этой печальной истории и из разрозненных, неполных сведений сложилась основа этого романа. Но я ре-

шил воспользоваться случаем и заодно провести читателя по обществу, которого отчасти уже не существует, - набросав если не законченные картины, то хотя бы эскизы, что покажутся сегодня, странными и непривычными. Нравы во всех слоях общества изменились так сильно, что можно без преувеличения сказать: за время от середины века до наших дней Мексика стала совсем другой - вплоть до самих своих зданий - по сравнению с тем, чем была в 1810 году.

Этот опыт в духе натуралистического романа не выйдет за рамки приличия, морали и общественных условностей; его спокойно прочтёт даже самый сдержанный и щепетильный читатель. Он покажет, как год за годом, незаметно для самого общества, им правят вредные обычаи и привычки, и с каким трудом оно выбирается из этого своего рода варварства - которое все терпят и к которому привыкают даже те, кому оно вредит. Цивилизация - до которой, к сожалению, всему миру ещё далеко - похожа на свет, которому трудно пробиться к глазам, веками закрытым плотной чёрной повязкой.

Это не рассуждение об успехах цивилизации в Европе и Америке - иначе можно было бы указать на тёмные пятна, которые до сих пор лежат на народах, считающих себя самыми просвещёнными и передовыми. Это лишь своего рода оговорка, предупреждение читателю, чтобы некоторые наблюдения и упрёки, которые встретятся ему по ходу книги, не показались слишком резкими и горькими. Я старался перемежать их живым сюжетом и приключениями, чтобы не

утомлять читателя - того самого читателя, которому посвящаю эти несколько строк и которому искренне хочу угодить.

Глава 1. Santa María de la Ladrillera

В апреле 18... года в одной мексиканской газете появилась такая заметка:

СЛУЧАЙ РЕДЧАЙШИЙ, НЕВИДАННЫЙ И НЕСЛЫХАННЫЙ.

За перевалом Барьентос, на ранчо под романтическим названием Санта-Мария-де-ла-Ладрильера (Святая Мария кирпичного завода) - живёт индейская семья, практически из «людей разумных»¹. Это женщина тридцати пяти лет, её муж, хозяин ранчо, и десятилетний мальчик-сирота. На улицах Тлальнепантле говорят, что эта семья происходит от великого императора Монтесумы II и что у них было много земель, отобранных правительством, и наследство на сумму более ста тысяч песо. Люди эти очень странные, замкнутые; но всё это ничто по сравнению с тем, что будет дальше.

В день святого Пасхалия Байлона исполняется ровно тринадцать месяцев с тех пор, как понесла донья Паскуала. А вот родить она никак не может и, как не странно, чувствует себя прекрасно. Ест с аппетитом, спит по двенадцать часов и всем довольна; беспокоит её только живот, который растёт день ото дня. Если не помочь, в какой-то момент он просто лопнет. В какой-то момент муж не выдержал, и послал за доктором Кодорниу, лучшего медика в округе. Но и доктор сказал, что в жизни не видел подобного случая. Все эти фак-

ты известны из первых рук и от разных источников, а индейцы из Куаутитлана, подтверждают и рассказывают всем подряд.

Далее следовало подробное рассуждение о материнстве, с множеством некорректных физиологических деталей. Но, так как мы хотим остаться в рамках 18+, давайте их упустим.

Через две недели, в правительственной газете появился ответ: «Утверждение, что правительство присвоило земли и наследство потомков императора Монтесумы, категорически неверно. Без предоставления доказательств, правительство отказывается реагировать на подобные инсинуации. Со времён конкисты прошло практически триста лет, и каждый день объявляются всё новые лица, называющие себя ближайшими родственниками императора Мексики. Если правительство будет платить каждому из них пенсия, то всей мексиканской казны не хватит на такое количество дармоедов. Что до фактического материала, который упоминается в конце заметки, нам он кажется неправдоподобным, и воспринимается это как не смешную шутку. Тем не менее правительство, неустанно радеющее о благе и счастье родины Идальго и Морелоса, запросило детали у доктора Кодорниу и передало случай на рассмотрение Университета, что бы тот удостоверился в благополучии граждан Мексики».

Далее подключилась четвертая власть. Редакторы правительственной газеты решили провести собственное журналистское расследование, ну и разобраться в небывалом ме-

дицинском феномене. А заодно укрепиться в доверии правительства и в своих доходных и необременительных должностях, в одно воскресенье поехали в сторону Барьентоса. С определенными усилиями отыскивали ранчо, побывали там, поговорили с семьёй и, главное, познакомились с матерью одного или нескольких младенцев, которые, прекрасно устроившись в своём обиталище, не выказывали ни малейшего желания явиться на публику и занять место среди жителей этого мира. Вернулись учёные журналисты затемно, очень довольные итогами экспедиции. Позже они навели в Тлальнепантле и Куаутитлане справки местных жителей, и выяснили всё, что требовалось, чтобы продолжить полемику, затеянную газетой, которая наверняка принадлежала оппозиции или масонам. Мы же воспользуемся трудами и хлопотами столь почтенных публицистов, чтобы познакомить читателя с ранчо Санта-Мария-де-ла-Ладрильера (Святая Мария кирпичного завода) и жившей на нём семьёй, - тем более что через несколько лет нам, нам придётся вернуться в это имение, получившее дурную славу.

Донья Паскуала была дочерью священника - испанца родом из Куаутитлана. Правда, священником он стал не сразу. В молодости торговал кукурузой и крутил романы: первое принесло ему небольшой капитал, второе - крепкую здоровую дочку. Девочке не исполнилось и пятнадцати, когда её мать умерла. Потеря подкосила его: он бросил торговлю и родной городок и заперся в коллегии Сан-Грегорио - учить

латынь, этого хватало отслужить мессу. Постригся, выбрил тонзуру, получил право исповедовать - а через несколько лет добился прихода в родном городке и вернулся туда под общее одобрение: его там помнили как человека честного и незлого.

Дочь его Паскуала, таким образом, была не индеанкой, а скорее из «людей разумных». Но в отцовском доме она мешала: духовному лицу не полагалось держать при себе никого, кроме положенной по уставу экономки. Поэтому при первом удобном случае он выдал её замуж - за владельца ранчо Санта-Мария-де-ла-Ладрильера. Муж был чистокровный индеец, немного себе на уме но и с понятием, так что об этой паре справедливо говорили: почти «люди разумные».

Донья Паскуала была не красавица и не дурнушка. Смуглая, черноглазая, черноволосая, с маленькими руками и ногами - как большинство креолок. С кое-каким образованием (спасибо отцу-священнику), а по характеру - насмешница, всегда предполагающая о людях самое худшее.

Дон Эспиридион - толстяк среднего роста. Волосы чёрные, густые и прямые, кожа темнее, чем у жены, щёки голые, зато над толстой сизой губой (цвета кровяной колбасы) торчали жёсткие, как щетина, усы. Одним словом - индеец.

Кроме супругов, в доме жили немолодая служанка-индеанка - кухарка, горничная и вообще всё в одном лице, и мальчонка лет шести-семи. Тоже индеец, вполне симпатичный и уже «разумный»: донья Паскуала учила его читать и

готовила к муниципальной школе в Тлальнепантле, где ему предстояло одолеть катехизис отца Рипальды и четыре действия арифметики. Покойная мать мальчика приходилась дону Эспиридиону дальней роднёй и носила фамилию Монтесума. После неё осталось немного зарытых в землю денег - и деньги, и сирота перешли под опеку дона Эспиридиона. Так мальчик стал одним из тысяч «ближайших родственников» ацтекского императора.

Дополняли семью четверо пеонов (разнорабочих): они годами жили при ранчо в глинобитных хижинах, крытых тростником. При необходимости, хижины сносили и ставили на новом месте, когда того требовали полевые работы.

Само ранчо ничем не выделялось. Все ранчо, как и все индейцы, похожи друг на друга. Узкая тропа, непроходимая в сезон дождей, вела к низкому глинобитному дому, кое-как побелённому известью: зала, столовая, две спальни и контора для расчётов с работниками. Кухня стояла отдельно, во дворе: навес из сухих жердей, крытый травой, - то, что в деревне называют «дымной кухней». Внутри - две каменные зернотёрки, большой глазурованный горшок для варки кукурузы, пара сит для процеживания атоле (густого кукурузного киселя) и кувшины с горшками. Готовили на очаге из трёх камней, а топили бурьяном и хворостом, который пеон собирал на холме.

В столовой - горка с посудой: разномастные тарелки, стаканы, чашки и чашечки всех размеров и цветов, а между ни-

ми восковые фигурки и сухие золочёные апельсины, освящённые в церкви, - остатки убранства приходского алтаря. В углу на козлах - парадное седло хозяина, мачете, кожаные щитки от дождя и плащ с бархатной оторочкой. Плюс чисто выскобленный столик белого дерева и полдюжины стульев, купленных на улице Каноа.

Двор был просторный, обнесённый глинобитной оградой и по щиколотку заваленный пылью и навозом - после первого же ливня всё это превращалось в жижу. Посреди двора - колодец и поилка. По двору бродили две лошади (грязные, косматые и очень жирные), полдюжины тощих кобыл, два мула и шесть ослов со спинами в багровых ссадинах. Дождь, гром, холод, жара - неважно: укрыться животным было негде, а есть - нечего. Раз в сутки пеон швырял им в грязь две охапки нерезаной соломы, хозяйским лошадям вешал торбы с ячменём — и всё. За все годы на ранчо дон Эспиридион так и не сподобился построить не то что конюшню - хотя бы навес. Под вечер ко двору медленно брели четыре коровы с большими кривыми рогами, за ними телята: несмотря на намордники, они пытались урвать хоть каплю из обвисшего вымени терпеливых матерей. Коровы выглядели не лучше прочей скотины: животы раздуты от соломы и земли, бока торчат, хребет - как лезвие. Довершали это жалкое стадо чёрный козёл, три барана и два ягнёнка.

Перед фасадом - три окна с решётками, рамы источены жучком, вместо разбитых стёкол куски белой бумаги - был

выложен кирпичный круг: на нём молотили ячмень и лушили кукурузу. Для красоты имелись четыре кривые полузасохшие ивы, а на углу - старый ясень, который давно бы рухнул, если бы его не подпирали брёвнами; корни его выперли наружу и разворотили половину мощения. Добавьте разбитую телегу, вторую телегу со спицами, перемотанными верёвкой, кур, склёвывающих насекомых, ослика — незадачливое дитя одной из дворовых красавиц - и двух-трёх жёлтых шелудивых псов, вылизывающих друг друга за неимением еды. Вот и вся усадьба - почти у ворот великой столицы.

При этом дон Эспиридион - видимо, как раз благодаря процветанию и порядку на своём ранчо - слыл в округе одним из самых умных и передовых хозяев. А что? Зачем ему было напрягаться? Два участка чахлых агав давали каждый день по выюку тлачике - свежего сока агавы, - который подрядчик забирал за два-три песо. Ещё пара участков вымытой дождями земли на склоне приносила в год двести-триста выюков ячменя по три песо. Прибавьте фасоль, семена репы, немного пшеницы, молоко и кирпичную печь - и получался доход, которого хватало на жизнь, а в хороший год кое-что и откладывали.

Ели в основном кукурузу во всех видах: атоле, толстые лепёшки, тамале и прочее. К этому - чили, томаты, молоко. Мясо, хлеб и сдоба появлялись по воскресеньям и понедельникам, иногда запасов хватало до вторника-среды. Донья Паскуала позволяла себе одну роскошь: хороший шоко-

лад с горячими лепёшками на смальце - привычка из отцовского дома, которую муж перенял без всякого сопротивления. Для гостей к шоколаду доставали два серебряных блюда с подчашником - купленные в ломбарде.

Жизнь текла тихо и однообразно. Вставали с рассветом. Хозяин садился на коня и уезжал - в поле, на холм, в селение, а нередко и в Мехико. Возвращался к обеду, потом садился на каменную скамью у двери и курил вонючие дешёвые сигарки из казённой лавки. Когда солнце клонилось к закату, обходил двор - посмотреть на скотину. Раны на ослиных спинах лечил проверенным средством: пригоршней навоза. Лошадей чистил камнем. Потом ужинал в кругу семьи - миска фасоли, горячие лепёшки, стакан тлачике - и к девяти весь дом уже храпел.

Донья Паскуала подметала дом, подкидывала ветки в очаг, кормила кур, чистила птичьи клетки, поливала цветы в горшках, стряпала и давала уроки наследнику Монтесумы. Так проходил день. Свободные часы она отдавала чтению - тех немногих книг, что выходили тогда в Мексике; их привозил муж, когда его заносило в великий Теночтитлан. Но к девяти, как и муж, она уже храпела сном праведницы.

Набожностью супруги не отличались - скорее уж были вольнодумцами, как сказали бы сейчас. Мессу слушали по воскресеньям, если получалось. В дождь или холод оставались дома. Но на большие праздники - с фейерверками и арками из тростника и бархатцев - являлись непременно: в

лучших нарядах, на виду и в чести. К тому же полагалось нанести визиты судье, алькальду, школьному учителю. Словом, день торжественный, протокольный.

По воскресеньям принимали гостей и сами: жену и дочь управляющего асьендой Ауэуэтеc, тётку эконома асьенды Арагон, а иногда и племянниц какого-нибудь каноника Гваделупской коллегияты.

В такие дни донья Паскуала отпирала огромный сундук с тремя засовами, стоявший в изножье кровати, и доставала китайские тарелки, золочёные саксонские стаканы, несколько серебряных приборов и скатерти с кружевом собственной работы. К столу приставляли ещё столик, во дворе разжигали жаровни, которые в обычное время годились только на варку шоколада. Накануне пеона на осле отправляли в селение, и он возвращался с корзинами, полными хлеба, сдобы, фруктов, мяса, шкварок, колбас и приправ. Кормили так, что пальчики оближешь: донья Паскуала, в будни к столу равнодушная, для гостей выкладывалась как достойная ученица святого повара (святой Пасхалий Байлон - покровитель поваров).

Как видите, ничего странного или таинственного в этих людях не было. Люди как люди.

Пару слов о наследнике ацтекского трона. Сам принц ничего о своём величии не подозревал и высоким предназначением не интересовался. Когда донья Паскуала не усаживала его за уроки, он пропадал на холме - ловил ящериц, жаб

и божьих коровок или катался во дворе на ослах и мулах. К ночи валился с ног, в полусне заглатывал свою фасоль и частенько засыпал одетым. Но донья Паскуала своего не упускала.

— Вот вы смотрите на Паскуалито: тише воды ниже травы, — неизменно говорила она за большим воскресным обедом. — А ведь ему быть королём Мексики. Ему, по праву. Те, кто сидит в правительстве, просто узурпаторы. Вся земля принадлежит индейцам: испанцы ушли. Значит, править должны индейцы. Все асьенды и ранчо их. Когда Паскуалито войдёт во Дворец, Эспиридион станет хозяином Куаматлы, Лечерии, Эчегарая и всех здешних асьенд.

Вообще-то Паскуалито звали просто Хосе, как половину индейцев в округе. Но донья Паскуала дала ему своё имя. Хозяйка ранчо, как видно, склонялась на сторону мужниной расы — и продолжала в том же духе:

— У нас уже есть лицензиат, учёный и писанный, он ведёт тяжбу против правительства. И мы её выиграем! Нам даже деньги давали — чтобы молчали. Вот увидите: в одну ночь всё переменится, и Эспиридион станет как минимум судьёй Куаутитлана.

Донья Паскуала верила в это свято и говорила от чистого сердца. Жена и дочь управляющего из Ауэуэтеc — не индейской крови — вечно с ней спорили. А вот семейство эконома из Арагона поддакивало и порой заходило дальше: пусть дон Эспиридион, когда станет судьёй или кем повыше, добьётся

истребления этих самых «людей разумных». Одним-то нам вольготней, говорили они: вол и один себя вылизет.

И в сущности, донья Паскуала была не так уж неправ. Тяжбу наследника Монтесумы против правительства вёл шустрый адвокат со свежим дипломом, охотник до дел и тяжб, по фамилии Лампарилья. Он приходился роднёй главному архивариусу дону Игнасио Кубасу - человеку, знаменитому познаниями в древностях и умением копать в старых бумагах, грамотах и книгах времён испанского владычества. Кубас обожал Монтесуму, Куаутемока и вообще всё ацтекское — и открыл родственнику доступ к королевским грамотам Карла V и королевы Хуаны. Вдвоём они раскопали историю потомков императора Мексики и получили ключ к вещам, о которых больше не знал никто.

С этим оружием - плюс свидетельство о крещении Паскуалито и показания, собранные в Амеке, откуда семья была родом, - Лампарилья и пошёл на правительство. Требования скромные: около полумиллиона песо просроченной пенсии, шесть тысяч в год пенсии текущей - и в собственность весь вулкан Попокатепетль. С лесами, водами, ущельями, песками, снегами, серой и внутренним огнём. Или, так и быть, вместо вулкана - баснословную сумму деньгами.

Каждую субботу Лампарилья нанимал лошадь, в пять утра выезжал из Мехико и к семи был на ранчо - как раз к завтраку в обществе доньи Паскуалы и дона Эспиридиона. После завтрака доставал из сумки бумагу на гербовом листе, давал

супругам подписать - и к десяти возвращался в столицу.

В понедельник, к открытию присутствий, он уже стоял в министерстве финансов - и, хоть бы пришлось ждать часами, вручал прошение лично министру или, на худой конец, старшему чиновнику. В течение недели заходил узнать о результате или писал по три-четыре письма. Через несколько месяцев при виде Лампарильи министерство вздрагивало. Это было форменное преследование: он попадался на лестницах, в коридорах, за обедом - везде, и с безукоризненной учтивостью напоминал о своём деле и умолял рассмотреть наконец те тридцать-сорок прошений, которые он уже успел подать.

Убить Лампарилью было нельзя. Выслать, нельзя. Посадить тоже: в конце концов, он был всего лишь поверенным одного из бесчисленных родственников Монтесумы. Измученное министерство сдавалось: чтобы сбыть его с рук, министр распорядился выдать то сто, то двести, а то и пятьсот песо. Сияющий Лампарилья вёз деньги донье Паскуале. В такие дни он нанимал уже не лошадь, а коляску - и завтракал на ранчо энчиладами и жареной фасолью так, что любо-дорого было смотреть.

Хозяева, со своей стороны, платили исправно и своего лиценциата холили. Каждый четверг, ровно в девять утра, к дому номер четыре по улице Эстампа-де-Регина, где жил Лампарилья, прибывал пеон с ослом и корзинами: связка кур или индюк, две дюжины лепёшек на смальце в чистой салфетке, латук, молодые початки (по сезону), морковь, репа, томаты -

и ещё одна салфетка с нежнейшими тамале. На именины ко всему этому добавлялось блюдо кокосовых сладостей, украшенное цветочками из зелёной и алой ленты: в каждом цветке — монета в два песо, а в центре - золотая унция. А когда Лампарилья сидел на мели, он писал донье Паскуале записочки: пришлите то десять, то двадцать, то тридцать песо (больше - никогда) в счёт гонорара. И дон Эспиридион, с тысячей извинений, вручал деньги при очередной поездке в город.

Глава 2. Доктора

Так тихо текла жизнь обитателей ранчо Санта-Мария-дела-Ладрильера - пока одно неожиданное событие не нарушило её однообразие.

Дон Эспиридион уже собирался в путь: осёдланный конь, привязанный к оконной решётке, нетерпеливо ржал и бил копытом по плитам.

— Не уезжай пока, Эспиридион, - сказала донья Паскуала. - Ещё рано, успеешь до того, как лицензиат проснётся. Хочу спросить тебя об одной вещи.

— Скоро шесть, Паскуала, - ответил муж, доставая серебряные часы размером с добрую луковицу. - Ну, спрашивай.

— Сколько лет мы женаты?

— Двенадцатого декабря будет семь.

— И детей у нас не было...

— Насколько мне известно - нет. К чему эти вопросы?

— К тому, что у нас будет ребёнок. Я хочу девочку. Дай-то Бог.

— Это невозможно, - дон Эспиридион выронил тяжёлую шпору, которую как раз пристёгивал к сапогу.

— Как слышал.

— И ты уверена?

— Абсолютно.

— Ну что ж, будет наследник. Выходит, Паскуаль получит

ещё одно наследство, побольше первого. Кстати: лицензиат вызвал меня на сегодня - говорит, правительство уже распорядилось ввести нас во владение вулканом. Переедем тогда в Амеку, а ранчо оставим на кума Франко.

Дон Эспиридион пристегнул шпоры, накинул плащ коричневого сукна с зелёной бархатной оторочкой. Утро выдалось пасмурное и холодное, - подошёл к жене и спросил:

— Не обманываешь? - и поцеловал её с тем же спокойствием, с каким чистил камнем спины своих лошадей.

— Обманывать? Зачем? Да отстань ты, колешься усами, как свиная щетина! — сказала донья Паскуала, вытирая щеку.

— Ба! Нежная стала, как все в твоём положении, - ответил дон Эспиридион, садясь в седло. - Жди к обеду, вернусь до двенадцати. И выбрось эти фантазии из головы: нет у тебя ничего, ничегошеньки. Странно было бы - после семи-то лет.

— Вот увидишь. И не задерживайся: по случаю новости у нас сегодня чалупы со свининой, а они остынут - задубеют.

Последних слов дон Эспиридион уже не слышал: дав коню шпоры, он исчез в облаке пыли - свернул влево, в овражек, отделявший ранчо от соседского участка. Донья Паскуала принялась выносить птичьи клетки и выпалывать сорную травку из цветочных горшков. Вот так, пасторально, объявил о своём пришествии в мир законный наследник ранчо Санта-Мария-де-ла-Ладрильера.

Прошло несколько месяцев - кто знает, сколько. Однажды

сеньор Лампарилья и донья Паскуала беседовали о делах серьёзных. Монтесума Третий тем временем, сидя верхом на одном из несчастных ослов, пытался заставить его идти вперёд, колотя палкой по голове, а дон Эспиридион, ни на что не обращая внимания, тёр камнем спину своего буланого.

— С делами закончили, и вот что я хотел спросить, донья Паскуала, - сказал Лампарилья. - Когда же вы нас порадуете? Вижу, дело сильно продвинулось, ждать уже недолго.

— Об этом я и хотела поговорить - хорошо, что вы сами начали... только строго между нами... Знайте же: я уже вышла из всякого срока.

— Не может быть.

— Как я вам говорю. Меня это очень тревожит. Привезли бы вы мне хорошего доктора из Мехико, а то дон Агапито из Тлальнепантлы только смеётся надо мной, а понять ничего не может.

— Как скажете, донья Паскуала. Мне как раз надо к доктору Кодорниу - по делу одной служанки, укравшей серебряную ложку. О, это кладезь науки! Он вас мигом поставит на ноги.

— А он согласится приехать?

— Ещё бы! Привезу его в коляске.

— Когда?

— Да хоть завтра.

— Нет, лучше в понедельник. Эспиридион едет в Тулу покупать ослицу - она нам нужна - и вернётся только во втор-

ник. Пока ему лучше ничего не знать.

— Договорились. Приготовьте хороший завтрак, или обед, или что пожелаете, - и в понедельник, до двенадцати, я непременно буду здесь с доктором.

Лампарилья сел на своего наёмного серого, сунув в жилетный карман десять песо, которые донья Паскуала дала ему «на коляску и прочие расходы». А сама ушла в дом - грустная и напуганная - ждать понедельника и знаменитого врача.

В понедельник Лампарилья и доктор Кодорниу действительно вышли из коляски, которая с трудом, прямо по посевам, добралась до дверей дома.

Завтрак удался - именно так, как того желал Лампарилья: он наелся за двоих и выпил тлачике больше необходимого. Доктор, соблюдавший диету, к национальным блюдам почти не притронулся, но кусок жареного козлёнка и стакан сносного дешёвого вина устроили его желудок и настроили на консультацию благожелательно.

После чашки мятного отвара (вместо кофе) донья Паскуала и доктор удалились в спальню и заперлись. Лампарилья пошёл взглянуть на кукурузные поля - они уже зеленели, и на прямых стеблях проглядывали золотистые волоски молодых початков.

Доктор задавал донье Паскуале вопрос за вопросом, щупал пульс, прикладывал руку к сердцу, расспрашивал об образе жизни - словом, выяснил всё, что подобает знать врачу учёному и выдающемуся, каким он и был. Что происходи-

ло на этой важной консультации, решавшей вопрос жизни и смерти доньи Паскуалы, пересказу не подлежит - когда-нибудь анналы науки сами сообщат об этом Медицинской школе. Скажем лишь, что вышел доктор Кодорниу понурый и задумчивый, бормоча сквозь зубы: «В жизни не видел подобного случая». Донью Паскуалу он, однако, приободрил и обнадежил скорым исцелением. А пока из Мехико не придут предписания и готовые лекарства, велел много двигаться, спать на спине и принимать натошак магнезию - столько, сколько поместится на монетке в песету.

Через два дня Лампарилья собственной персоной привёз донье Паскуале докторский регламент, два пузырька и баночку мази.

Предписание гласило:

«Ежедневный моцион: час рано утром и час в пять пополудни. Избегать солнца, на холм не ходить. Четыре капли из пузырька 1 утром и четыре из 2 на ночь. Растирание живота дважды в день. Сильно не наклоняться, никаких огорчений, тлачике сократить вдвое. Из предосторожности поселить на ранчо повитуху. Если что случится - прислать за мной нарочного, но не ночью: городские заставы заперты, и без разрешения губернатора из города не выехать».

— Через восемь дней будете здоровы, донья Паскуала, - объявил Лампарилья, дочитав. - То есть ждут нас крестины и гулянье: по случаю наследника придётся пустить дом по ветру!

— Дай-то Бог, - ответила донья Паскуала. - И пора бы уже: такая усталость, такая тяжесть... не знаю, как выдержу два часа моциона. Спала бы весь день. Чтобы отвлечься, буду дошивать приданое девочке - потому что будет девочка: доктор обещал приложить все усилия, чтобы была девочка.

— Донья Паскуала, это невозможно. Доктор Кодорниу не мог сказать такую нелепицу.

— Ну... он обещал постараться, чтобы я разрешилась как можно скорее.

— Это другое дело, донья Паскуала. Итак, за дело! Пора начинать мочиюн. Вот ваши пузырьки; я уезжаю, дня через три загляну. И подпишите мне эту бумагу: вечером подкараулю министра финансов на выходе из резиденции - и скоро вулкан будет наш.

Через три дня Лампарилья вернулся (и получил ещё десять песо). Донья Паскуала - в том же состоянии, невзирая на мочиюн и рецепты.

Через восемь дней - второй визит доктора Кодорниу. Донья Паскуала - то же самое. Назначен другой метод.

Вторая неделя: третий визит доктора и Лампарильи. Донья Паскуала - то же. Новый метод. Аптека истощалась. Знаменитый доктор сходил с ума; созвали консилиум. Дон Эспиридион - в тоске.

Консилиум состоялся; выработали иной метод - не подействовал и он. Доктор Кодорниу признавался, что в жизни не видел подобного случая. Как раз тогда газета и напечатала ту

заметку, которую мы целиком привели в начале этого правдивого повествования.

Донья Паскуала - совсем плоха.

Доктор штудировал книги день и ночь, применял все положенные средства, советовался с коллегами, зачастил на ранчо - и наконец решился вынести случай на суд Университета.

В день полного собрания, в строгой Большой аудитории - с креслами резного дерева, потемневшего от времени, с портретами епископов, святых и докторов, с великолепной кафедрой, с балдахина которой, казалось, вот-вот сорвётся и взлетит белая голубка Святого Духа, - собрались доктора в тогах чёрного шёлка, с капюшонами и большими пышными кистями: зелёными, жёлтыми, белыми — по факультету, на котором каждый был экзаменован и возведён в докторское достоинство. Шла дискуссия важная и серьёзная; к нашему делу она не относится, но упомянем: искали действенные средства борьбы с масонством, которое входило в моду, и особенно с йоркскими ложами - врагами Университета, каноников, монахов и монахинь. Всё-то они хотели упразднить и разрушить, и надо было защищаться. Когда заседание - собор ли, совет ли, - объявленное секретным и не пришедшее ни к какому выводу, закончилось, наш медик изложил учёным собратьям свой случай. И случай, заинтересовал их несколько больше, чем споры о религии и политике. Впрочем, кое-кто о нём уже знал - из бумаги, прислан-

ной министром юстиции и церковных дел. После часа скорее дружеской беседы, чем диспута - где затрагивались материи весьма щекотливые, уместные разве что на кафедре топографической анатомии, — учёные мужи высказались.

Доктор права сказал: «Не думаю, что случай этот — единственный в мире. Во времена короля дона Альфонса Мудрого наверняка бывали похожие, и в Семи Партидах, кои трактуя обо всём и являют собой образец законодательства, я непременно найду что-нибудь успокоительное. Сверюсь также с Солорсано и с Законами Индий. Пока же сказать ничего не могу».

Доктор медицины сказал: «А я вот сказать могу: полагаю, необходима операция. Но есть два препятствия. Первое и главное: пациентка её не выдержит и, вероятнее всего, на столе и останется. Второе: не уверен, что нужные инструменты в исправности — подобного случая не было уже много лет. Хотя они и не так редки, что бы ни утверждал мой почтенный коллега сеньор лицензиат».

Доктор теологии, неторопливо снимая капюшон и белую кисть, чтобы переодеться в обычное платье и выйти на улицу, сказал просто:

— Она обсчиталась.

Доктор Кодорниу ушёл ни с чем, раскаиваясь, что вообще затеял эту консультацию, и твёрдо решил: на ранчо он больше не поедет, пока не позовут и не пришлют экипаж, - своих мулов он уже заездил, а собственную коляску запыллил на

бесконечных визитах. Войдя в дом, он сказал слуге:

— Если явится лицензиат Лампарилья - пусть оставит серебряную ложку, если уже отсудил её, и скажите, что меня нет дома.

Глава 3. Ведьмы

Дон Эспиридион поначалу не придавал большого значения новости, которую сообщила ему Паскуала. Визиты доктора Кодорниу и врачебные консилиумы он терпел только ради жены, а в наследника в первые месяцы не верил. Но когда признаки стали очевидны, а его дражайшая половина совсем перестала походить на себя прежнюю, он встревожился всерьёз.

— Это уже ни в какие ворота, - сказал он однажды вечером, когда отужинали, а наследник Монтесумы отправился спать.

— Да уж, ни в какие, - согласилась донья Паскуала. - Я не плачу только чтобы тебя не расстраивать, да и что толку плакать. Но думаю, что умру.

— Умереть - нет, это нет, жена. А вот что-то другое... не знаю что, но лечиться тебе надо по-настоящему.

— Хорош! Куда уж настоящее? Не был у меня разве лучший доктор Мехико? Не собирали консилиум? Не выпила я четыре пузырька и не отшагала невесть сколько лиг? Чего тебе ещё?

— Это я лечением не называю, - ответил муж. - В докторов я сроду не верил. Остаётся одно: идти к ведьмам. Пусть весь свет твердит, что ведьм не бывает, - а я верю, и факты за меня. Мы их видим каждый день. А главное - твою болезнь

только они и умеют лечить.

— Я-то в ведьм не верю. Но лишь бы выздороветь - ведьмы так ведьмы, знахарки так знахарки, я на всё согласна. Может, в последний раз пошлём за доктором, как считаешь?

— Без толку. Пропишет то же самое. Денег мы и так извели порядочно, кукуруза дешевет, и ячмень не радует. Ведьмы обойдутся недорого - но дело не в деньгах, а в том, что хоть весь медицинский трибунал собери, они тебя не вылечат.

— Но к кому же мы обратимся?

— Эка! Это просто. Найду травницу - ту, что захаживала к нам и собирала на холме травы; говорит, верное средство от разных болезней. Может, лекарство у нас под боком, и в аптеку ходить незачем.

— А, травница! Помню её; я ей ещё корзину подарила - у неё травы в платок уже не влезали.

— Она самая. А у неё есть тётка - вот та настоящая ведьма и знает, как делаются исцеления. Где она живёт, мне скажет каноник Каманьо: она вытащила его из такого ревматизма, что его уже Бог прибирал, а доктора только руками разводили.

— Тогда завтра же. Я решилась.

— Завтра же буду в городке и поймаю каноника после мессы.

Дон Эспиридион допил остатки тлачике и обсосал свои щетинистые усы.

Донья Паскуала - уставшая, ей уже трудно было двигать-ся, ходить и наклоняться, - лениво сняла скатерть, сгребла в тарелку остатки фасоли, куски тортилий и хлебные крошки на завтрак курам и пошла взглянуть на Монтесуму Третьего. Тот осилил только снять куртку и одну штанину. Один башмак, полный навоза и грязи, лежал на подушке рядом с его сапогом; второй - в горшке для кукурузы.

— Ничего из этого осла не выйдет, сколько ни бейся я с его учёбой. А уж свинтус какой - и говорить нечего: в этом он весь в Эспиридиона, - сказала донья Паскуала, стягивая с наследника вторую штанину и швыряя башмаки на середину комнаты. Наследник буркнул, потёр кулаком глаза и повернулся на другой бок - спал как поросёнок.

Донья Паскуала пошла в спальню со своей сальной свечой в блестящем глиняном подсвечнике. Дон Эспиридион уже спал на спине; в усах его ещё поблёскивали пузырьки тлачике, а нижняя губа была обведена красной каймой, будто её нарочно нарисовал живописец, - верный знак, что на ужин было моле или вяленое мясо с перцем.

— Оба хороши, один другого грязнее, - сказала донья Паскуала, выбираясь из платья. - Завтра же велю обоим мыться. И сама не знаю почему, - добавила она, задувая свечу и забираясь в постель, - а сердце мне подсказывает: ведьма меня вылечит.

Пока они спят, встают, завтракают и дон Эспиридион едет в городок искать каноника, познакомим читателя с ведьма-

ми.

Недалеко от заставы Перальвильо, между каменной и грунтовой дорогами, ведущими к святилищу Гваделупы, лежит низина. И с заставы, и с дороги видно скопление домишек из глины - скорее похожих на индейские бани-темаскали, на постройки бобров или звериные норы, чем на жильё разумных существ. Узкая дверь ведёт внутрь: одна комната, самое большее — закуток под дымную кухню или дворик. Путник с дороги разве что заметит, как через это странное поселение пробежит тощий пёс, как осёл общиплет травку, проросшую прямо на стенах лачуг, да как у порога сидят одна-две индеанки, закутанные в свои покрывала.

Остальное кажется пустым и брошенным. Но это не так: нет лачуги без хозяина, а то и без целой семьи.

Любопытно, чем живёт на задворках великой столицы этот нищий, опустившийся народец. Состоит он сплошь из тех, кого со времён Конкисты называли масеуалями, - из землепашцев. Не рабы, нет, но низшая ступень ацтекского простонародья; самая многочисленная - потому и пережившая века, сохранив свою бедность, темноту, суеверия и привычки. Соседство столицы не дало им ничего: ни изменить уклад, ни нажить хоть какие-то удобства.

Мужчины этого места - одни зовут его Салинас, другие Сан-Мигелито, а большинство путает с Тепито - промышляют кто чем. Одни с сетью, другие с шестами с железными наконечниками спозаранку идут к озеру бить лягушек. Круп-

ных несут на рынок; мелких, которых никто не купит, оставляют себе на ужин. Другие ловят озёрную рыбёшку и собирают ауаутле - озёрную «икру» водяных мошек. Женщины собирают по берегам селитру-текеските и тех самых мошек и меняют их в городе, по домам, на чёрствый хлеб и жилки перца. Сердобольные люди всегда нальют им чашку бульона и подадут медяк. Иные ходят на поля соседних асьенд и ранчо - рвать дикую зелень, собирать семя репы, а если сторож зазеваётся, то и початок-другой стащить. Словом, по утрам народец расходится на свои маленькие промыслы, а к вечеру возвращается, разжившись кто чем: лепёшками, початками, кусками хлеба, обедками, мелкой монетой. В городе они перехватили что придётся, а дома доедают ту живность, которую не удалось продать. Кажется невероятным, что можно жить в такой скудости, - но факт: живут. Точнее, прозябают: вид у них болезненный, и долгого века им явно не отпущено.

В сезон дождей они роют на берегу озера ямы и запруды и снимают свой урожай соли. Это уже промысел: он даёт купить несколько вар холста, воску для Девы Марии, а если что останется - петарды, до которых они большие охотники и которые сжигают на первом же церковном празднике. А в иной год дожди льют так, что выгоны Арагона затапливает, соляные запруды сносит потоком, и деревенька превращается в остров. Поднимется вода выше - заходит в дома, и жители бросают их: уходят в Сакоалько или в соседние селения и асьенды наниматься в пеоны. Чем в это время заняты жен-

щины, точно не известно; надо полагать, продолжают свой промысел и находят приют в соседних индейских деревнях.

К этому-то народу принадлежали - или, во всяком случае, долго среди него жили - две ведьмы, которых собрался искать дон Эспиридион.

Как обе женщины попали в эту деревеньку - назовём её Соляной, - выяснить непросто. Эта негодная, солончаковая, крошечная и бесплодная полоска земли, вероятно, входила когда-то в общинные земли Сан-Хуана и Сантьяго - те, что до Конкисты принадлежали острову Тлальтелолко, песчаному возвышению над озером, где жил торговый и рабочий люд. За редкими исключениями ни Эрнан Кортес, ни его преемники этой частью города не распорядились и оставили живших там индейцев при их владениях. Со временем, когда разобраться и поделить по семьям стало уже невозможно, объявили просто: земли эти принадлежат тем индейцам, которые на них живут и их обрабатывают, - так сложились общины Сан-Хуан и Сантьяго под покровительством правительства и мексиканского муниципалитета. На этом основании на бесплодный клин земли (такова его форма) и стекались, один за другим, самые бедные, самые униженные индейцы - люди воистину без родины и крова. Они лепили из глины скорее норы, чем дома, пока не сложилось самое заброшенное, самое печальное, самое нищее селение, какое только способна вообразить самая меланхолическая фантазия.

Там, вероятно, и родилась одна из ведьм. Жила она продажей мошек для птиц - то ли сама ловила их на озере, то ли брала у рыбаков, чтобы разносить по домам городка и столицы или менять на корки хлеба и объедки. Старый индеец - что-то вроде вождя или короля этой нищей колонии - научил её собирать на выгонах и полях травы, зелёные и сухие, и варить из них лечебные отвары, которыми здесь лечились все: ни один врач, воспитанный в коллегиях или Университете, сроду не ступал на эту землю. Здесь жили, болели, выздоравливали и умирали как собаки - не прибегая ни к чему и ни к кому, кроме самих себя. Покойников, вероятно, хоронили ночью в топких низинах ближних выгонов: платить за отпевание приходило Святой Анны - к которому деревенька, должно быть, относилась - было нечем. Ни тамошний священник, ни какой другой не наставлял их в католической вере; молиться и читать они не умели, говорили на своём ацтекском языке, а по-испански - мало и дурно; старые обычаи и старую веру помнили тоже смутно, а из нового не знали и не читали никого, кроме Девы Марии Гваделупской.

В тесной каморке ведьмы жила и другая женщина, много моложе. Всех мужчин деревеньки, как и большинство индейцев, звали Хосе, всех женщин — Мария, с какой-нибудь прибавкой. Фамилий - никаких; многие, вероятно, и крестны-то не были. Наших двух звали «две Марии», а чтобы различать — старшую Мария Матиана, младшую Мария Хипила; почему именно так, никто не знал.

То ли старый индеец, известный как Хосе Себастьян, был из тех природных натуралистов и колдунов, каких рождает сама раса, то ли обе Марии — они были в родстве — имели призвание к ботанике, но факт: они занялись сбором растений и изучением их целебных свойств, ставя опыты сперва на собаках и жителях деревеньки, а затем на обитателях квартала Святой Анны и на погонщиках мулов, которых всегда были полны постоянные дворы. Пока одна продолжала торговлю мошками, другая расширяла экспедиции, так сказать, в дальние страны: затопленных выгонов Арагона и солончаковых равнин Гваделупы ей уже не хватало. Их видели то на холмах Ремедиос, то на асьенде Моралес, то на козьих выпасах Сан-Анхеля, то в садах Койоакана. Однажды Матигана добралась до Куэрнаваки, прожила с неделю в окрестных лесах и вернулась с настоящими чудесами. Хипила, в свой черёд, отважилась на маршрут через Амеку и Тенанго до самой Куаутлы и через месяц привезла драгоценности, оставив к тому же в горах и в лесах Жаркой земли корреспондентов - чтобы регулярно получать змей, тарантулов, скорпионов, камеди, смолы, древесную кору и редчайшие растения. Их свойствам её научили тамошние индейцы - секретам, никогда не открываемым ни белым, ни «людям разумным».

Когда новая коммерция двух Марий - куда более доходная и благородная, чем мошки и озёрные рачки, - встала на ноги, они покинули соляную деревеньку и перебрались в Сакоалько. Селение это, прилепившееся к подножию голой, за-

росшей колючкой гряды, на бесплодном пепельном берегу озера, приятным не назовёшь; но для них это была столица, и жили они, как говорится, в самом центре: рядом озеро - их кладовая. Мошки, а в трудный час лягушки, рыбёшка и рачки давали пропитание; заведутся деньги - шли на кукурузу, дрова и холст. До городка Гваделупы рукой подать, до столицы тоже - тут и клиентура, покупатели и больные, тут и божество, которому они повиновались и поклонялись. Они самовольно заняли развалюху - полуразрушенный дом, вернее стены, - и никто не возразил. Понемногу навели крышу из листьев агавы, потом дверь из сухих жердей, потом наладили кухню - и в итоге получили жильё удобное, укрытое от ветра и холода, обставленное четырьмя-пятью добрыми циновками-петате, поставцом, тыквенными флягами и плошками, двумя зернотёрками, кувшинами, глиняными мисками и горшками, платками-аяте и корзинами, стаканами зелёного пуэблинского стекла, одеялами с Цветочного портала и простынями из холста. Роскошь азиатская - вернее сказать, ацтекская: семьи среднего достатка до Конкисты жили не лучше.

В Соляной деревеньке обе Марии ходили «закутанными» - то есть обёртывали тело, без всякой юбки и рубахи, синей шерстяной тканью в красную полоску, какую ткут сами индейцы, подпоясываясь белой или синей хлопковой лентой. От шеи до пояса их прикрывал упиль из холста или синей шерсти, за спиной - корзина на платке-аяте, в которой носят

мошек, лягушек или травы; ноги босые, в трещинах от холода, воды и грязи. Так и поныне одевается немалая часть ацтекской расы, приходящая в столицу продавать скудные плоды своего труда. Прогресс и достижения века не изменили в её положении ничего — даром что люди индейской крови занимали в Республике высокие посты и имели большое влияние.

Когда торговля наших предприимчивых женщин пошла в гору, они обновили не только жильё, но и наряд. Теперь они носили рубаху и нижние юбки из холста, верхние юбки из синей саржи, белый или ситцевый упиль; ноги - чисто вымытые, на голове пальмовая шляпа от солнца; в косы вплетена алая шерсть, а на шее - ожерелья из поддельного жемчуга с серебряными образками Девы Марии Гваделупской.

Кто знает индейский люд из окрестностей Мехико, тому наших женщин описывать не надо; а для чужаков дадим несколько примет. Возраст? Установить невозможно - они и сами его не знали. Индейцы и беднота Мексики считают годы по памятным событиям: «в день землетрясения Сан-Хуан-де-Дьос мне сравнялось десять», «когда сеньор архиепископ выходил с процессией Тела Христова - пятнадцать», и так далее. На вид Матиане было за пятьдесят: волосы седые, кожа в первых морщинах, глаза красные изнутри и снаружи — за одно это её и звали ведьмой; полная, сутуловатая, зубы все целы и белы.

Хипиле - лет тридцать. Волосы чёрные, густые и прямые;

кожа посветлевшая - она была чистюля и умывалась во всех родниках и ручьях по дороге; гладкая, мягкая лицом, ноги стройные и блестящие, ступня маленькая, пальцы растопыренные - от ходьбы босиком; тело без единого дурного запаха, опрятная, руки маленькие, и зубы, как у той, кого она звала тёткой, — белые и ровные. Красивая индеанка. Таких - и ещё лучше - в её народе множество; о красавицах из Хальтипана, Теуантепека и Юкатана нам, может, ещё представится случай рассказать.

Вставали Матиана и Хипила со светом. Кукуруза с вечера была готова — мололи лепёшки, завтракали кружкой атоле с тростниковым сахаром и оставляли на медленном огне горшочек фасоли или свинины, чтобы к вечернему возвращению поспело в самый раз. Подметали и сбрызгивали водой земляной пол, вытряхивали циновки, вешали одеяла на верёвку, натянутую от стены к стене; запирали в кухне кур с горсткой кукурузы и плоской воды, бросали две лепёшки псу - вернее, койоту, которого привели ещё из Соляной деревеньки, - и, заперев дом (у него уже была деревянная дверь!), выходили вдвоём. У заставы Перальвильо расходились.

Матиана брала курс на Санта-Ану и Тесонтлале и неторопливо, с лёгкой корзиной кореньев и трав за спиной, обходила постоянные дворы, один за другим. Её там знали, и если находился хворый погонщик, она приступала к лечению — которому порой предшествовали известные церемонии. Луна растёт или полная - исцеление почти гарантиро-

вано; луна на ущербе - либо не лечила вовсе, либо, по крайней мере, за успех не ручалась. Если дело было пустячное - случайная рана, ссадина о дерево или скалу, ожог от верёвки, - всё шло просто. Она зажигала огарок освящённой свечи, который всегда носила в корзине, велела больному прочесть «Отче наш» и «Аве Марию» и предаться Деве Гваделупской, а сама ложилась ничком и быстро-быстро говорила слова на ацтекском языке. Потом вставала, крестила углы комнаты, велела хозяину дать хороший подзатыльник - сперва ей, потом больному, - после чего удалялась на кухню и там, одна, никому не показывая, готовила припарку, холодную или горячую, смотря по болезни, и накладывала на рану. В уплату за труды получала реал или песету, а то фрукты, сахарные головы, кукурузу, перец или хлопок - смотря что вёз погонщик. Не было больных - всегда находились покупатели на эпасоте, текеските или свежий кориандр; так или иначе, домой она возвращалась с деньгами или товаром. А если клиентура бывала щедра и обильна, покупала сальные свечи, чтобы жечь час-другой вечером, восковые - для Девы Гваделупской, пряжу и шерсть на пояса и юбки, несколько вар холста или ситца и бумажные цветы для картинок со святыми, которыми понемногу увешивала стены своего великолепно дома в Сакоалько.

Промысел Хипилы был проще и легче. В девять утра, два-три дня в неделю, её мог видеть всякий - и многие из читателей этой книги её вспомнят - сидящей у столба на углу

Санта-Клары и Такубы. Она расстилала чистейший платок и раскладывала - методично, симметрично - свой товар: травки для промывания глаз, олений рог, камешки из муравейника, гладкие голыши, «оленьи глаза» - семена на амулеты, свежайшие апельсиновые листья, лимонную траву, ромашку, кресс, вербену, маковые головки. А порой её прилавок веселили охапки душистого горошка и белых лилий, наполнявшие запахом всю улицу.

Не проходило и получаса, как её окружали служанки со всей округи, а бывало, и издалека: все знали, что такого выбора, как у этой травницы, нет больше ни у кого.

— Хипила, доброе утро! Что ж тебя вчера не было?

— Ходила в Сан-Анхель, марчантита*, за апельсиновым листом и свежими лимонами...

И правда: в дни, когда Хипила не сидела на углу Санта-Клары, она уходила в селения к востоку от города, где находила свежие травы, душистые цветы и всё прочее, что привыкли у неё спрашивать покупатели.

— Хипила, есть у тебя травка от зубной боли? Барышня Сусанита со вчерашнего дня на стенку лезет: цирюльник ей зуб не выдернул, а обломил, и кусок остался внутри.

— Есть, марчантита, - отвечала Хипила, подавая служанке пучок тёмных мелколистных трав. - Вот эту травку пожужь хорошенько зубами, выложишь на ладонь, плеснёшь капельку водки, скатаешь шарик - и залепишь барышне зуб. А сверху - слой чикле, пусть тоже пожует. А коли острие тор-

чит - пусть цирюльник подпилит: на это травы не годятся.

Хипила к лекарству прилагала и рецепт - это был живой справочник, ходячая фармакопея. Не только в своём квартале, но и дальше - в одну сторону до Сан-Косме, в другую до улицы Релох и Санта-Катарины-мученицы - Хипила соперничала с врачами и отбивала у них визиты. Заболел где-то с утра ребёнок? Сеньора немедленно кличет служанку: «Беги к травнице - пусть пришлёт корешок для Эмилито, у него животик встал». В другом доме кто-то скатился с лестницы и расшибся: тотчас упрашивают домовладелицу сходить к травнице и передать, что дон Пепе упал с лестницы, что у него четыре шишки на голове, ссадина на локте и правая кисть распухла и не гнётся.

Хипила немедленно выдавала: корешок от шишек на голове, травы для питья и тонкие шелковистые листья прикладывать к ободраным местам. А что до вывихнутой кости — это, говорила она, дело хирурга или кузнечного станка.

По пятницам выбор у травницы бывал самый богатый: по четвергам лодки из Чалько привозили ей чудеса Жаркой земли. Народу собиралось столько - не только служанки, но и сеньоры в плащах с бобровым воротником, и дамы в юбках и мантильях, - что порой и за час нельзя было добыть ни травинки. И немудрено: у неё имелись средства от всех известных болезней.

Распродав товар и набив пояс монетами, она позволяла себе передышку: доставала кукурузную лепёшку, тамаль с

озёрной рыбкой, зелёные перцы — жгучие как огонь, — щепотку соли и ела так, что любо-дорого. А тем временем подходила публика другого рода. Как все знаменитые врачи, Хипила по меньшей мере раз в неделю давала консультации. Приходили больные — или служанки больных, — и, как мы сейчас увидим, у неё были снадобья от всех недугов, какие есть и какие будут.

— Хипила, - говорила дородная кормилица, усаживаясь на край тротуара рядом с травницей, - что делать с этим дитём: чуть пососёт - и всё молоко срыгивает? Хозяйка велела отдать тебе вот эти реалы, а ты пришли медечину.

— Дам тебе листьев тлапатли. Разомнёшь в руке и тёпленькими приложишь ему к животику.

— Мария, - говорила другая, едва первая отходила со своим пучком тлапатли, - а мне что делать с поясницей? Мочи нет: вчера даже бельё сеньоры маршалыши не смогла погладить.

— Дам тебе корень кокостоматля. Высушишь, смелешь на зернотёрке, смешаешь с яичным белком и будешь пить каждый день перед обедом.

— Хипила, муж у меня стал весь опухший и в парше. Что с ним делать? Поищи в своих травах...

— Вот тебе, марчантита, тлапауитле: растолчёшь в ступке, смешаешь с капелькой уксуса и намажешь ему голову — а мужа поручи Деве Гваделупской.

— Хипила, а что дашь для племянницы? Чесотка у неё, от

собаки подхватила. Совсем плоха, бедная крятура, а дохтур — ничего, и уже четыре риала ему отдадено.

— Приходи в пятницу, марчантита, за «заячьим ухом». Положишь листьа в кувшинчик, вываришь хорошенько - водичку дашь ей пить, а листьа тёпленькими приложишь на чесотку.

А иная шептала ей на ухо такое, чего написать нельзя, и травница отвечала:

— К воскресенью будешь здорова, марчантита. Возьми цветы бланчарне - увидишь, муж тебя больше бить не станет. Только стоят они полтора реала с четвертью: трава эта изда- лека идёт.

Больная отсчитывала медью цену чудесных цветов и уходила довольнѐхонька.

Когда у прилавка никого не оставалось, а солнце начина- ло печь, травница собирала свои корниа и камешки, пере- считывала деньги и перебиралась на площадь Воладор, где платила за место и торговала дальше - до часа, когда пора было пускаться в путь, чтобы мелкой рысцей поспеть в Са- коалько к сумеркам. Дома её, как правило, уже ждала Мати- ана: грела фасоль, снимала мошек с ведра тлачике и готови- ла красный перец. Ужинали они роскошно, как Валтасар, - с той разницей, что на глинобитной стене не проступало ника- ких огненных письмен, - и спали сном праведников. Даром что в Соляной деревеньке, а пожалуй, и в самом Сакоалько слыли ведьмами.

Глава 4. Ацтекская богиня и Дева Гваделупская

К этим-то женщинам и обратился дон Эспиридион за исцелением супруги - и, честно сказать, немало потрудился, пока их нашёл. В городке Гваделупе он собрал сведения, которые преисполнили его надежд и утвердили в мысли: чудо могут сотворить только они и никто другой.

Матиану и Хипилу в городке знали все, и особенно каноники: те не только не считали их ведьмами, но почитали за добрых индеанок-христианок, которые двенадцатого числа каждого месяца непременно несут Деве Марии восковые свечи и покупают ленточки-обмерки и образки.

А случилось вот что. Однажды аббата Коллегиаты, доктора Конехареса, - человека с большими связями в аристократии - скрутили колики. Пономарь, случайно увидевший, как Матиана выходит из собора, окликнул её, привёл в дом, и вдвоём они сварили травяной отвар. Аббат выпил его, не спрашивая, что это, - а через час, полностью здоровый, узнал, как было дело, призвал Матиану и дал ей своё благословение и пару новеньких песо. Ну и понятно, какая слава пошла с тех пор о травницах.

После того, как они покинули соляную деревеньку и поднялись - изучением растений и наблюдениями, которые ни-

когда не забывали делать над результатами своих средств, - можно сказать, что они шагнули на ступеньку вверх по общественной лестнице и цивилизовались. По-испански говорили уже вполне сносно, хоть и с простонародным выговором и старинными словечками; одевались пристойнее и опрятнее, а дом их хорошел с каждым днём. Матиана была нрава замкнутого, говорила мало и хранила живыми предания своей расы. Хипила, напротив, - весёлая и общительная; она уже знала кое-что из катехизиса, ибо ходила на проповеди, выучила буквы и вот-вот должна была начать читать: одна знакомая учительница давала ей уроки по букварю прямо на углу Такубы - в обмен на коренья и травы, которыми лечилась сама и лечила учениц.

Потеряв надежду застать их днём дома в Сакоалько, дон Эспиридион отправился на ночь глядя - и накрыл их как раз после ужина. Он быстро уговорил их провести целый день в Санта-Мария-де-ла-Ладрильере, чтобы жена сама, во всех подробностях, изложила им природу своей болезни.

Донья Паскуала накануне от страха не спала всю ночь. Но стоило ей увидеть их и заговорить - и все страхи рассеялись; она пришла к тому же мнению, что и каноники: не ведьмы, а превосходные женщины. И так расположилась к ним, что предложила заночевать на ранчо, велев постелить им в молитильном сарае постель из соломы и кукурузных листьев.

Наутро Матиана и Хипила заперлись с доньей Паскуалой в спальне и засыпали её всевозможными вопросами - один

страннее и мудрёнее другого. Затем осмотрели всё тело пациентки, даже места, самые далёкие от того, где полагалось сидеть болезни. После чего удалились в своё селение, пообещав вернуться через три дня.

Время это они употребили на вылазку в Педрегаль - каменистую пустошь, куда с трудом забираются самые отчаянные охотники: добыли трёх-четырёх гремучих змей, полдюжины хамелеонов, две-три дюжины ящериц и разные растения, которые растут только в тамошних дебрях. Заодно пополнили запас тарантулов - на сироп для прокажённых, - червей для *oleum supertorum* и тысячи прочих гадов, которыми снабжали тёмную лабораторию аптеки на углу Портала, близ Санто-Доминго.

В назначенный срок они явились на ранчо, нагруженные лекарствами и постельными пожитками, пожить, пока больная не выздоровеет или не умрёт.

Церемонии, предшествовавшие первому лекарству, были, если угодно, простыми. После полуночи закололи петуха и его кровью помазали две глиняные плошки, в которых предстояло готовить припарки на живот. В пять утра больная и обе знахарки простёрлись ниц и семь раз поцеловали землю; в восемь зажгли Деве Гваделупской семь восковых свечей, по фунту каждая; а ровно в девять больная выпила стакан отвара, приготовленного Матианой, и на живот ей наложили припарку, окроплённую кровью ящерицы. Окна закрыли, и ранчо замерло в тишине и ожидании результата.

Прошло две недели. Больная - всё то же. Живот, натурально, ещё больше. Ведьмы сходили с ума и уже не знали, за что браться: они дали больной искапатли в добром стакане хереса; монашью мастлу с кассией; накормили её - так, что она и не заметила, - змеиным мясом; перепробовали, словом, все средства, какие считали подходящими, и ни одно не подействовало.

Однажды Матиана - глаза краснее обычного: ночью она, как видно, плакала - вошла в спальню доньи Паскуалы и сказала:

— Матушка, не иначе Пресвятая Дева хочет забрать тебя во славу Свою: и от болезни тебе не выздороветь, и пилитонкле - мальчоночка - у тебя внутри, видать, помер.

— Нет, только не это, Матиана! Не может быть, и не дай Бог! - отвечала донья Паскуала, перепуганная смертным приговором, который травница вынесла так буднично. - Я верю, что он жив - он же наружу просится, из своей темницы. Неужели у тебя не осталось для меня никакого лекарства?

— Матушка, Хипила пошла за тлишочитлем - чёрным цветком - и за кашочитлем, к утру вернётся. Выпьешь натошак отвар этой травы с тлишочитлем - и уповаю на Бога и Пресвятую Деву, что станешь здорова. Но если не поможет, матушка, придётся мне идти на холм - потолковать с Девой.

— Хорошо, Матиана, выпью что скажешь. Когда вернётся Хипила?

— Послезавтра на рассвете будет здесь.

И правда: Хипила вернулась до зари, и донья Паскуала выпила натошак снадобье из таинственных трав - самых сильных, какие знали индейские лекари против её недуга. И, ничего. Крепкая, упрямая натура ранчерши сопротивлялась всему, что доктор Кодорниу и ведьмы почитали самым верным. Но дело её было плохо: она уже начинала думать, что болезнь неизлечима и что близится смерть, а перед нею - нестерпимые муки. Донья Паскуала была не из нежных и не из плаксивых, но это было уже слишком, и слёзы наворачивались ей на глаза - она прятала их от мужа, который, целиком положившись на искусство двух женщин, жил себе как жил, ничего не меняя. Лиценциат Лампарилья наведывался на ранчо и не на шутку встревожился: если за несколько дней дело не разрешится, донья Паскуала умрёт неминуемо. На всякий случай он дал ей подписать две бумаги с требованием наследства Монтесумы Третьего и взял немного денег в счёт гонорара.

Донья Паскуала и близко не верила, что Матиана может беседовать с Девой Марией. Но болезнь и страх ослабили её рассудок, и она уверила себя, что жизнь её зависит от этой важной аудиенции.

— Не теряй времени, Матиана, - сказала она травнице, убедившись, что последний настой не помог. - Идите с Хипилой, потолкуйте с Девой и возвращайтесь скорее - посмотрим, выведет ли меня Господь её заступничеством из этого состояния. Мочи нет, Матиана, я умираю, - и донья Паскуала

поднесла к глазам краешек шали.

Обе травницы тоже расчувствовались и попросили три дня на чудесную аудиенцию.

Дон Эспиридион ни о чём не узнал. Жена скрыла от него всё, боясь, что он разболтает в Тлальнепантле и над ними станут смеяться: среди чиновников уже водились масоны, которые не верили ни во что, кроме Великого Архитектора Природы, и доходили до того, что отрицали само Явление Девы.

Травницы на время оставили свой добрый дом в Сакоалько и перебрались в городок - к знакомой, что жила за часовой Посито и отлично кормилась продажей тех прославленных, тех вкуснейших тортилий, каких не найти больше нигде в мире, кроме как на Соборной площади.

С наступлением ночи Хипила и Матиана направились на холм: поднялись по пандусу, обогнули часовню и устроились на выступе скалы, обрывавшейся почти отвесно - вниз было больше сорока вар. Это место - священное и важное для индейцев, хранящих в памяти древние предания. Пусть нынче мексиканские антиквары и заезжие шарлатаны, якобы открывшие происхождение индейцев, говорят что угодно; мы лишь передаём то, что рассказывали во времена этих событий и что подтверждал учёный антиктвар дон Игнасио Кубас, начальник Главного архива, открывший немало рукописей.

Во времена Конкисты холм и вся округа звались Тепей-акак. Испанцы - неизвестно почему - сошлись на том, что

холм похож на огромный нос, и прозвали его Носовым холмом. Скала, которую выбрали травницы, была, надо думать, самым кончиком этого колоссального носа: дальше - шаг, и бездна. Часовня стоит на самой пологой части холма.

На той скале обитало ацтекское божество - богиня Тонанцин, своего рода языческая Мадонна, к которой на поклонение стекались толпы индейцев из дальних земель. Перед богиней, высеченной в огромной глыбе гранита, творили многочисленные обряды и пляски, а в определённый день года завершались жертвоприношением ста детей, до двух лет от роду. Их закалывали на жертвенном камне ножами из кремня и обсидиана. Без дани этой невинной крови богиня была недовольна и грозила послушникам дождями, градом, громами и тысячей других бедствий. И матери - как ни надрывались их рыдания, которые, по словам иных историков, были слышны до самого Тескоко, - спешили принести детей и отдать их свирепым жрецам богини.

В один прекрасный день, спустя несколько лет после Конкисты, богиня Тонанцин с Носового холма исчезла. Жрецы в ужасе выли, скакали и звали на помощь Тлалока и Уицилопочтли всё напрасно. Власть испанцев их сдержала, и пришлось смириться.

А через несколько месяцев на холме, вместо богини Тонанцин, требовавшей детской крови, явилась прекрасная и скромная дева в одеждах знатных индейцев. Она обещала туземцам своё покровительство, а вместо крови просила роз

и полевых цветов. Так Дева Гваделупская стала заступницей индейцев вместо богини Тонанцин. Хотя нет-нет да и приходилось испанским властям закрывать глаза и уши и терпеть жертвоприношение какого-нибудь младенца.

Это предание дошло до Матианы живым и осязаемым, и в темноте своей она путала Деву Гваделупскую с богиней Тонанцин - вернее, считала их одним существом, разделённым на двух разных покровительниц. Угодишь одной - прогневаешь другую; вот она и хотела чтить и ублажать обеих. Надо сказать, что Хипила этих убеждений не разделяла: в общении с человеком, толпившимся на углу Такубы и на площади Воладор, она растеряла предания и старых причуд не имела, - но во многом слушалась Матиану и питала глубокую набожность к Деве Гваделупской.

Сокрушённые тем, что лучшие их лекарства не действуют и донью Паскуалу не вылечить, они решили просить совета у богини Тонанцин - или, вернее, у Девы Гваделупской. Всю ночь провели они на краю обрыва: взывали к богине, просили наставления, плакали и рыдали через силу - и под конец уснули, и было сущим чудом, что не скатились вниз и не разбились.

Едва рассвело, они омылись стоками Посито, выпили серной воды и, как только пономарь отворил главные ворота, вошли со своими свечами в Коллегиату.

Там продолжились созерцание и плач - на сей раз, впрочем, тихие.

— Матерь моя, Санта-Мария Гваделупская Тонанцин, что нам делать с недугом матушки Паскуалы? - говорила Матиана.

— Госпожа моя Гваделупе Тонанцин, - подхватывала Хипила, - просим у тебя здоровья для ранчо Санта-Мария.

— Отче наш, иже еси на небесех, Санта-Мария Тонанцин Гваделупская, - продолжала Матиана.

— Санта-Мария, Матерь Божия, молись за нас! Санта-Мария, что на небесах, Тонанцин, исцели милосердием твоим донью Паскуалу!

Других молитв ни та ни другая не знали — и повторяли эти больше двух часов, вздыхая, всхлипывая и стеная. Матиана молилась истово; племянница вторила ей больше из подражания.

Вечером, когда каноники отпели своё в хоре, - те же молитвы и те же вымученные слёзы обеих травниц. А ночью они снова вернулись на тот же опасный край скалы - просить совета и вдохновения у ацтекской богини, как утром просили и молили христианскую Деву.

Через три дня они были на ранчо. Донья Паскуала - ей становилось хуже уже не на шутку - ждала их с нетерпением.

— Матушка донья Паскуала, - сказала Матиана, - мы уже потолковали с Марией Пресвятой Гваделупской. И сказала она нам: не выздороветь матушке с ранчо, если не убить ребёнка.

— Да это же невозможно, Матиана! Как мы убьём ребён-

ка, где мы его возьмём? Да и не бывает такого лекарства!

— Госпожа наша Гваделупе Тонанцин так сказала - значит, матушка умрёт. У нас больше нет ни трав, ни змей, ни ящериц, чтобы вылечить мою хозяйку.

— Замолчи, Матиана, не приведи Господь! Как Он допустит, чтобы убили дитя?

— Двенадцатого декабря, - отвечала Матиана, - велела мне Дева прийти на праздник. Если найдётся дитя без своей кормилицы - взять его; и можно его убить, чтобы ты выздоровела.

— Нет, нет, никогда я на это не соглашусь! Лучше умру. И Дева не могла тебе такого сказать!

— Смотри, матушка, - сказала индеанка. - Если я найду дитя двенадцатого числа - значит, Дева позволяет. А не найду - значит, её величество больше не хочет тебе благоволить. Или тебе это не на пользу.

Донья Паскуала невольно задумалась над этим рассуждением. В самом деле: среди тысяч людей, стекающихся на праздник, немудрено какой-нибудь няньке недоглядеть за ребёнком. Но чтобы ведьма оказалась ровно в том самом месте и успела его взять — это уж вряд ли; а если так случится, то воля Божия явлена, и ни она, ни индеанка не виноваты: одна лечит таким лекарством, другая лишь позволяет себя им лечить.

И всё же она решительно отвергла предложение Матианы и отослала её прочь - смирившись с волей Божией и не

принимая больше ни каплеь доктора Кодорниу, ни снадобий двух ведьм.

Так шли дни. Болезнь не отступала. Однажды ночью донья Паскуала разбудила мужа.

— Эспиридион, - сказала она. - Вели запрячь повозку, которую только что починил плотник, садись на коня, езжай в Сакоалько и привези мне Матиану и Хипилу.

— В такой час? - спросил муж, потягиваясь.

— Сию минуту. У меня от живота к горлу подкатывает - задыхаюсь.

Муж безропотно, не говоря ни слова, поднялся - и не прошло часа, как он, несмотря на тёмную грозовую ночь, ехал в сторону Сакоалько следом за повозкой, которую правил пёс. На рассвете обе ведьмы стояли в спальне доньи Паскуалы.

— Я на всё согласна, Матиана. Дай мне скорее питья, уймими эту тоску, что меня душит, - а потом делай что хочешь, только мне не говори. Денег тебе нужно?

Было одиннадцатое декабря.

— На то воля Девы - она нам скажет, - ответила Матиана. - А денег мне не надо, кроме уговорённого за лечение.

Уговорённое за лечение составляло: десять песо Хипиле - за снадобья, ящериц и змей, и десять песо Матиане - за разъезды, приготовление отваров и похищение и заклятие ребёнка. Не корысть ими двигала: они действовали просто, по-доброму и смиренно. Их вели перемешанные верования

- невежество и вера разом. Деньги были ничто; жизнь ребёнка ради спасения женщины - тоже. От себя Матиана почти ничего не добавляла: решать всё надлежало Деве Гваделупской.

Глава 5. Чудо

Двенадцатое декабря - самый торжественный день в мексиканском году. День Девы Гваделупской, Заступницы Анауака.

На богослужение явилось правительство в полном составе. Шествие открывал Президент Республики, предшествуемый жезлоносцами: алый мундир с золотым шитьём, панталоны белого кашемира с золотым лампасом, треуголка с белыми перьями; он полулежал в огромной карете четвернёй, а по бокам скакали адъютанты - разноцветные, на горячих конях. За ним - государственные министры и городской совет в новых блестящих экипажах; следом - все наёмные коляски города, самых причудливых форм, крашенные в кричащие цвета, где облупленные, где просто грязные, с мулами такими тощими и так избитыми сбруей, что смотреть было жалко. А позади, по бокам и повсюду - море народу, пешего и конного: толкались, напирали, а если какая-нибудь зазевавшаяся старушка падала - шли прямо по ней, не слушая воплей.

Кортеж построился на Главной площади и двинулся улицами Санто-Доминго, Санта-Катарины и Санта-Аны до заставы. Там Президент со свитой и все конные свернули на грунтовую дорогу, обсаженную с обеих сторон печальными тополями, а пеший люд захватил каменную дорогу - без еди-

ного деревца, с камнями, которые, раскалённые солнцем, дышали огнём. Можно смело сказать: в те времена, о которых мы рассказываем, не было в Мексике семьи, бедной или богатой, которая не отправилась бы двенадцатого числа в городок Гваделупе. Люди со средствами совершали паломничество в коляске - куда обязана была поместиться вся семья, хоть бы и четырнадцать душ. Выехав за заставу, начинали читать розарий - с расчётом закончить аккуратно у входа в святылище. Люди победнее, а также те, кто исполнял обет, шли пешком по каменной дороге - иные босиком, иные на коленях, что было истинным мученичеством. Те, у кого хватало сил доползти до церковных дверей, падали там полумёртвые, истекая кровью.

Но проследим ещё немного за блестящим официальным кортежем. Поднимая тучу пыли - парадную карету не раз окутывал злой вихрь, срывавший с кучеров треуголки, - он медленно, сквозь толпу, не дававшую проехать, добрался до дверей Коллегиаты. Там аббат в мантии из золотой парчи, а за ним хор каноников в чёрных шёлковых облачениях и кружевных стихарях встретили Первого Магистрата нации и его министров святой водой - и так, всем собором, с крестом, свечами-цириалами и двумя десятками служек в красном, процессия двинулась к главному алтарю. Справа от него был воздвигнут балдахин алого бархата: в больших креслах уселись Президент и министры. Напротив, под другим балдахином — белым с золотом, - разместились аббат и служащие

каноники. Наконец втянулась внутрь и вся свита, буквально пробивая брешь в плотной толпе, которую с большим трудом раздвигали и сдерживали муниципальные полицейские. И вот под балдахинами восседают Президент с министрами и аббат с канониками в сияющих облачениях, и по знаку дирижёрской палочки оркестр сменяет своими священными гармониями шёпот и странный разноголосый гул, свойственный всякому скоплению людей. Попробуем дать понятие о новизне и величии этого торжества.

Коллегиата Гваделупе - не церквушка вроде тех, что в Европе носят пышное имя базилик, а настоящий собор, не похожий ни на средневековые постройки, ни на ренессансные. Храм в три высоких нефа с капеллами, прорезанный большими окнами, полон света и радости. В конце центрального нефа - главный алтарь из разноцветного мрамора, а в середине его - образ Девы в раме литого золота, писанный на грубом холсте-аяте, источенном и почерневшем от лет. В торжественные дни подсвечники, светильники, престольная доска, крест, цириалы, курильницы - всё серебро: чистое, сверкающее, освещённое лучами солнца, которые входят то в одно окно, то в другое, оно складывается в подобие славного видения - оно слепит глаза, ранит воображение и повергает верующих ниц, целовать землю: им кажется, что милосердная Матерь людей сошла с небес.

Напротив главного алтаря - хоры, словно таинственно завешенные решёткой из кедра и китайского металла фили-

гранной работы, а в глубине и по бокам — аналои и старинные сиденья тонкого дерева с причудливой резьбой, оправляющие важные бюсты каноников. Дорогу от алтаря к хорам обрамляет ограда литого серебра, и на её балюстраде - ангелы в человеческий рост, тоже литого серебра, служащие канделябрами: они держат толстые восковые факелы. Высокие колонны, одетые красным бархатом, множество серебряных лампад, шёлковые вымпелы всех цветов, свисающие со сводов, и коленопреклонённая, благоговейная толпа довершают эту грандиозную картину, какую повторяют разве что считающиеся соборы Европы.

Проповедь поручают самому знаменитому из духовных лиц — обычно канонику мексиканского кафедрального собора или самой Коллегиаты. Тема обязательная: Явление Девы - со всеми подробностями; завершает оратор заверением, что жителям Анауака обеспечено покровительство Богоматери. В тот раз панегирист закончил такими словами: «Слепо повинуйтесь Святой Деве Гваделупской. Воля Её Державна и должна быть исполнена».

Матиана - она проскользнула в храм, едва его открыли, и заняла место у самой кафедры - твёрдо уверовала, что слова эти обращены именно к ней. И укрепилась в своём решении.

Пока она размышляет, как привести в исполнение преступный замысел, последуем за участниками празднества - столь характерного, столь национального и так или иначе связанного с великим событием: Независимостью Мексики.

Когда месса кончилась, Святые Дары укрыли, а аббат с канониками сняли в ризнице свои великолепные облачения, Президента со свитой проводили в большой зал наверху здания - тот, что занимало казначейство и что в подобных случаях обращали в столовую.

Стол был накрыт роскошный. Пусть читатель не ждёт найти там *côtelettes à la Sainte-Menehould*, *filet de bœuf à la Jean Bart* или *saumon sauce riche*. Мексика уже назанимала денег в Англии, уже получила старые корабли и старые ружья, уже обогатила порты Бордо и Байонны деньгами изгнанных испанцев, уже рассылала посольства с врачом и капелланом в штате, уже была уверена, что займёт место в семье великих цивилизованных наций, - но от дедовской похлёбки ещё не отрекалась и не считала простонародными кушанья, которые подавали в сказочных дворцах ацтекских королей. Меню - как сказали бы нынче - заслуживает места в нашем повествовании, ибо из такого и складывается домашняя история, которой брезгует всякий, кто метит в серьёзные историки. Ручаемся, впрочем, что не один читатель оближет губы, будь он хоть трижды парижанин.

Густой хлебный суп, украшенный ломтиками варёного яйца, нутом и зелёной петрушкой; жёлтые перчики с сыром; язык с оливками и каперсами; жареный козлёнок с мелко рубленным салатом; а венчали дело блюдо моле из индейки с одного края и зелёное моле с другого, посередине же - миса разварной фасоли с редисом, тёртым луком, шкварками

и севильскими оливками. Вина - считанные бутылки карлона и хереса, зато хрустальные кувшины, полные пульке: ананасного с корицей и «кроличьей крови» с гуайявой - такого, что мёртвого поднимет. Десертам не было числа, ибо в банкете участвовали женские монастыри: кокада, мармелад из мамея, арекипа, хрустящие трубочки и рожки с начинкой, батат с ананасом, желточные конфеты; стол украшали букеты в кувшинах, флажки из резной бумаги, шёлковые помпоны и цветы из ткани и лент.

Правительство в полном составе наелось на три дня вперёд, и даром что иные его члены были уже масонами со стажем вольнодумцев - они братались с простодушными канониками, и не было конца похвалам кухарке, сотворившей столь дивные яства, и Деве Гваделупской, дозволившей вкушать их во здравии.

Около трёх пополудни публика, возвращаясь из городка, молнией в облаке пыли пронеслась по улицам Релох; во дворце почётный караул забил марш, и Президент удалился в покои - переваривать национальный обед.

А в городке хозяевами поля остались индейцы и простой люд - и вот тут-то по-настоящему начались их праздники и их пиры. В храм входили и выходили индейские паломничества в первобытных нарядах: перед Девой танцевали, громко читали молитвы на ацтекском и испанском - понятные лишь им самим, - плакали и пели разом и выходили, уступая место другим племенам, закупив прежде у дверей медных и се-

ребряных образков и обмерок алой ленты. Блюда каноников, выставленные на столе с реликвиями у входа, ежеминутно наполнялись монетами. А снаружи движение было неохватное. Холм и улицы сплошь покрыты индейцами и людом из Мехико: все как один завтракают чито - козлятиной с тортильями, «пьяным» соусом и отменным пульке; семьи расположились под открытым небом весёлыми группами и с волчьим аппетитом отрывают зубами лакомые куски от жареной козьей ноги; ребятня скачет с тако - тортильями с авокадо - в руках. К шести вечера это невероятное скопище начало сворачиваться в огромную змею и стекать по обеим дорогам. Никто не возвращается в Мехико без кувшинчика серной воды из Посито, тополиной ветки, платка, полного тортилий, и козьей ноги: это гостинец кумовьям и знакомым - или продолжение праздника на завтра.

Матиана и Хипила в тот год не вкусили этой своего рода религиозной оргии - на которой, правду сказать, никогда не бывало больших бесчинств: одна-две драки между сильно пьяными индейцами да несколько бедолаг, потерявших или лишившихся платка либо часов. «Люди разумные» возвращались домой довольные и в полном порядке.

Хипила наотрез отказалась участвовать в бессознательном злодействе, которое готовилось. Большую часть дня она просидела подле знакомой, помогая ей печь кесадила и тортильи, а под вечер привычной рысцой направилась к себе в Сакоалько.

Что до Матианы, то она, с виду безразличная, водила своими красными глазами туда и сюда в поисках ребёнка - но без усердия, без усталости, без жадности. Ребёнка должна была послать сама Дева. Не пошлёт - значит, явно не Её воля; а в глубине души Матиане было не так уж важно, умрёт ли донья Паскуала, и не жаль десяти песо, платы за лечение: ни она, ни Хипила корыстными не были. Так она и бродила - заходила в храм и выходила, покружила по холму и у часовни Посито, и ничего под руку не попадалось. Она уж решила тоже трусить рысцой в Сакоалько, как вдруг, проходя мимо фасада монастыря капуцинок-реколеток, услышала детский плач.

Несчастный! Она обернулась: мальчик меньше двух лет от роду полз вдоль стены, сжимая в ручонке козью косточку. Матиана схватила его, невзирая на плач упаковала в свой аяте, взвалила на спину и зашагала. Никто её не видел, никто не окликнул; а дитя - откуда ему было знать свою участь - укачалось от рысцы индеанки и мирно уснуло, как говорится, на груди у змеи, которая его поглотит. В скудных отблесках звёзд на пустынной солончаковой равнине виднелась зловещая фигура ведьмы - она всё трусила и трусила вперёд, с невинным ребёнком за спиной.

Тринадцатого декабря на рассвете пеон, подметавший и поливавший двор перед домом, доложил донье Паскуале - та лежала уже совсем плохая, - что травницы просят к ней. Сердце у неё оборвалось; она хотела было велеть гнать их со

двора, но любопытство пересилило, и она впустила.

— Дай тебе Бог доброго утра, матушка Паскуала, - сказала Матиана.

— Что ты сделала, что ты сделала? — вместо приветствия спросила донья Паскуала, вся дрожа.

— Нашла пильтонкле - мальчоночку. Госпожа моя Гваделупе Тонанцин сама мне его вручила. Я уж в Сакоалько собралась, а он выполз из монастыря капуцинок.

— И что - ты убила его? - спросила донья Паскуала, подступая к ведьме в смертной тоске.

— Нет, матушка. Пожалела я его, бедненького, - он как серебро был.

— Слава Богу! Тогда где он?

— Я бросила его в винограднике, матушка, - ответила ведьма.

— Несчастная, что ты наделала! Лучше бы убила! Его же собаки разорвут! Беги, беги, принеси его живым - пусть я хоть умру! И чтобы ни слова ни Эспиридиону, никому: нас в тюрьму посадят и повесят!

С травницами вмиг сделалась перемена. При всём их невежестве, при всём суеверии, что их ослепляло, они поняли: совершено преступление — и разразились криками, заплакали настоящими слезами и рухнули на колени, прося у Девы Гваделупской прощения грехов.

— Тихо, тихо! Ничего не говорить и не терять ни минуты. Берите повозку, найдите дитя и привезите сюда. Он будет

мне сыном — таким же, как тот, что у меня во чреве.

Ведьмы умчались на повозке во весь дух. Доехали до виногоградника. И не нашли ничего.

А донья Паскуала в ту же полночь, взбудораженная страхом и потрясением, разрешилась крепким мальчиком. Дон Эспиридион, как подобает доброму мужу-крестьянину, тут же принял его на руки и, целуя, повторял без конца:

— Говорил я тебе, Паскуала: от твоей болезни одно лекарство - ведьмы.

— И Дева Гваделупская, - прибавляла донья Паскуала, стараясь не выдать себя. — Без её заступничества я бы умерла, и сын твой не явился бы на свет.

На той же неделе на ранчо заглянул лицензиат Лампарилья; ему рассказали о событии - донья Паскуала утаила трагическую и невольно преступную часть. Лампарилья вызвался в кумовья. Слово за слово: дон Эспиридион стоял на том, что исцелением жена обязана ведьмам; Лампарилья же и донья Паскуала - которой хотелось и славы, и заглушить совесть - сошлись на том, что жизнью она обязана явному чуду Девы Гваделупской. Кто знает, верил ли в чудо сам Лампарилья, уже тронутый масонством; скорее он думал то же, что доктор теологии: донья Паскуала обсчиталась. Но доктор Кодорниу забыл заплатить ему гонорар за дело о серебряной ложке - и Лампарилья желал отомстить окольным путём, без личной ответственности. Словом, по доброй ли вере, по злой ли, он согласился с семейством: чудо явное, и совершенно

необходимо посвятить Деве вотивную картину - ретабло.

Двенадцатого января на одной из колонн близ алтаря поместили картину кисти одного из знаменитейших живописцев Академии Сан-Карлос. В углу картины - кровать, на ней умирающая донья Паскуала со сцепленными руками, вверяющая себя Деве Гваделупской, написанной в другом углу. У кровати - дон Эспиридион с платком у глаз; обе травницы на коленях перед образом Девы, в молитвенных позах. А из приоткрытой двери выглядывала лукавая физиономия лиценциата Лампарильи.

Под картиной значилось:

«Двенадцатого марта тяжело занемогла донья Паскуала, владелица ранчо Санта-Мария-де-ла-Ладрильера, и был призван к ней доктор Кодорниу, но как он, так и доктора Университета в лечении ошиблись; и, не имея уже средства, воззвала она к Пресвятой Деве Гваделупской - и в одну ночь стала здорова и родила весьма крепкого младенца мужеска пола».

На раме висело серебряное тельце - «милагрито», изображавшее донью Паскуалу. Всё это было делом рук Лампарильи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.